

НЕВА

5

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Андрей ШАЦКОВ

Стихи • 3

Владимир ЛОРЧЕНКОВ

Возвращение в Афродисиас. *Роман* • 9

Евгений КАМИНСКИЙ

Стихи • 88

Евграф СВЕТЛАНИН

Золото Ковчега. *Повесть* • 94

Дмитрий АРТИС

Стихи • 145

КНИГА ПАВШИХ

Поэты Первой мировой войны. Петер Баум. Гийом Аполлинер.

Предисловия и перевод Евгения Лукина • 148

ИЗ АРХИВА

Дневник Александра Gladkova: 1960 год.

Подготовка публикации и комментарии Михаила Михеева • 153

ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор БОЧАРОВ

Власть в гендерном измерении • 171

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Год культуры. Ирина Ушакова, Станислав Минаков. Русский просветитель Рачинский. **Pro et contra.** Лариса Докторова. Booker-2013. **Рецензии.** Ирина Чайковская. Последняя глава.

12+

Ренат Беккин. Турецкий табак под развесистой шалью. Дмитрий Быков. О пользе ненависти. **Забытая книга.** Павел Щеголев. Крепостная любовь Пушкина. Подготовка публикации Маргариты Райциной. **Пилигрим.** Архимандрит Августин (Никитин). Монастыри Афона. Григориат. **Дом Зингера.** Подготовка публикации Елены Зиновьевой • 238–254

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы» запрещена

Электронную распечатку рукописей присылать
на погтовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9)

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Наталья ЛАМОНТ
(ответственный секретарь,
коммерческий директор)

Александр МЕЛИХОВ
(зам. главного редактора)

Маргарита РАЙЦИНА
(контент-редактор)

Ольга МАЛЫШКИНА
(шеф-редактор молодежных проектов)

Игорь СУХИХ
(шеф-редактор гуманитарных проектов)

Елена ЗИНОВЬЕВА
(редактор-библиограф)

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Верстка **М. Райциной, Л. Жуковой**

Мы увидим не Рим, не Савойю,
Не Нью-Йорк, а отеческий дом.

Под этими строчками могли бы подписаться многие ее собратья по ремеслу, чьи фамилии значатся под одной с ней обложкой. По воле судьбы «последняя глава» жизни этих поэтов пришлась на Америку, но писали они на русском языке и для русских читателей, и по-настоящему эту антологию следовало бы переиздать в России. Богатства, которые она содержит, того стоят.

Ирина Чайковская

ТУРЕЦКИЙ ТАБАК ПОД РАЗВЕСИСТОЙ ШАЛЬЮ

Д. Ю. Шерих. Турецкий Петербург. Из истории российско-турецких отношений. — М.: Центрполиграф, 2012.

«Но при чем же тут турецкий Петербург?» — может спросить читатель.
Д. Шерих. Турецкий Петербург
...Турецкого табаку пришлю такого, что ты до блевоты закуришься...
Из письма Н. И. Гнедига К. Н. Батюшкову

О мусульманском Востоке в современной России принято писать либо плохо, либо ничего. Счастливое, но немногочисленное исключение составляет академическая литература, но ее читают единицы. Тем более важно, когда из-под пера не ученого, а известного журналиста выходит книга, посвященная такой деликатной теме, как российско-турецкие отношения. Деликатной — потому что, несмотря на обилие информации из Интернета и других источников, нынешние знания средне-статистического россиянина о Турции мало чем отличаются от представлений об Османской империи значительной части российского общества в начале XIX столетия. Те же ориенталистские мифические образы, разница, пожалуй, лишь в том, что грозных янычар сменили турецкие ловеласы на пляжах Анталии и Алании, а чудовишно дорогие турецкие шали — дешевый турецкий трикотаж.

Писать о российско-турецких отношениях сложно еще и потому, что издавна это государство было одним из самых серьезных военных противников России, доставлявшим ей немало хлопот на суше и на море. Как отмечает сам Д. Шерих в предисловии к своей книге, в период с 1676 года — начала первой русско-турецкой войны — до 1918 года — окончания Первой мировой — Россия и Порты непрерывно воевали в общей сложности 45 лет.

Но заикнувшись о войнах, автор сразу же оговаривается, что хорошего в российско-турецких отношениях было все-таки больше, чем плохого: «*Но только ли войны? В истории русско-турецких отношений сражения не преобладали, о чем напоминает и соотношение мирных/военных лет. Разве можно не вспомнить про турецких дипломатов, навещавших столицу России с завидной регулярностью?.. А разве можно не вспомнить про “моду на все турецкое”, которая в разные периоды истории захватывала петербургское и российское общество без остатка? Турецкая шаль Натальи Николаевны Пушкиной, турецкие диваны Екатерины II и Василия Андреевича Жуковского, турецкий табак и турецкий халат: примеров тому достаточно...» (с. 6).*

Пробежав глазами эти строки, я сначала решил, что сын пленной турчанки

Сальхи В. А. Жуковский неосмотрительно помещен автором среди артефактов турецкого Петербурга между диванами и табаком, но, вчитавшись, понял, что ошибся. Впрочем, так ли уж ошибся... Ознакомившись поближе с содержанием книги, я понял, что был не далек от истины. Ориенталистский мотив в предисловии к книге на проверку оказался не приманкой для читателя, призванной заставить его обратиться к чтению, а наполнением всего «Турецкого Петербурга».

Создается впечатление, что автор поставил себе задачей свалить в одну корзину все, что, по его мнению, имеет отношение к Турции. Подобный подход с одной стороны вызывает сочувствие: не владеющий турецким и староосманским языками, автор попытался привлечь все, что оказалось ему доступно: с миру по нитке. Но сделал он это безо всякого разбора, словно второпях, — в результате в одной куче оказались турецкая шаль жены Пушкина, турецкие бани в загородных императорских резиденциях и даже... сфинксы с Университетской набережной.

Сфинксы эти были приобретены русским путешественником А. Н. Муравьевым, посетившим Стамбул, а затем святые места в Египте по окончании русско-турецкой войны 1828–1829 годов. На сфинксов положили глаз французы, поэтому Муравьев обратился к российскому посланнику в Стамбуле для того, чтобы тот немедленно связался с Петербургом и содействовал скорейшему приобретению древностей. Французы, в чьих руках оказались сфинксы, вынуждены были уступить их России, поскольку в это время во Франции началась революция. Казалось бы, при чем здесь турецкий Петербург? Автор дает на это незамысловатый ответ: «*В общем, не окажись Муравьев в Османской империи — не было бы и в северной столице России этих сфинксов*» (с. 119). Что ж, в железной логике Шериху не откажешь.

Но этого скромного «открытия» в османистике автору, по-видимому, показалось мало. И к Жуковскому, покудивавшему турецкий табак на турецком диване, добавляется в придачу... соборная мечеть, которую Шерих называет «*одной из несомненных достопримечательностей турецкого Петербурга*» (с. 192). Не нужно быть ни специалистом по архитектуре, ни исламоведом, чтобы отличить османский стиль мечетей от самаркандского эпохи Тимура. Тогда при чем здесь турецкий Петербург?!

Быть может, к строительству мечети имели непосредственное отношение турки?.. Нет, стоп! Турецкие строители — это немножко другая эпоха. Или османы финансировали этот грандиозный проект?.. Нет, главным спонсором строительства мечети выступил эмир бухарский. В таком случае петербургская соборная мечеть скорее может быть названа объектом узбекского Петербурга, но никак не турецкого.

Выскажем предположение: быть может, для автора все турецкое неразрывно связано с исламом? Но возникает логичный вопрос: почему во всей остальной книге об исламе не говорится ровным счетом ни слова? О том, что турки — мусульмане, можно лишь отдаленно догадаться по некоторым фразам из книги, в основном когда речь идет о крещении пленных, в том числе и несовершеннолетних.

Между тем более чем уместно было бы привести слова из донесения третьего секретаря турецкого посольства в Петербурге, посетившего молитвенное собрание петербургских мусульман в здании Городской думы в 1890 году, то есть еще до того, как была открыта соборная мечеть. Благо текст этого донесения переведен на русский и, следовательно, мог быть доступен автору. Позволю себе привести здесь, ввиду важности, крупный фрагмент из этого документа: «*Поднявшись подлинной лестнице и натолкнувшись на большое число нищих мужгин и одетых не по требованиям ислама женщин — мусульман и мусульманок, я вошел в зал, где будет совершаться намаз. Воистину, первое впечатление стало ошеломляющим. Со стороны киблы в зале [находились] большие завешанные портреты, а также еще весьма*

большие портреты справа — не завешанный [портрет правящего] императора, сзади — покойных императоров Александра II, Николая и императриц, [призем] на головах упомянутых лиц [были изображены] кресты. Несуразным было и то, что слева виднелось именуемое по-французски “шапель” собрание изображений Иисуса, Марии и других, кому молятся христиане, с горячей лампадой. Вид около семи-восьми сотен мусульман, выстроившихся там рядами, мог бы удивить каждого. У большинства из них на голове была тюбетейка, а рядом — шляпа; у некоторых из них отсутствовали борода и усы, у некоторых были сбриты только усы, у некоторых были раздвоенные бороды — словом, наблюдаемый нами у европейцев, неуместный [для мусульман] внешний вид. Таким же удивительным было зрелище более чем двухсот человек в шляпах, стоявших в одной стороне мезети, то есть зала. Увидев, что входит некто в османской феске и сюртуке, люди стали расспрашивать обо мне у моего слуги, призем на их лицах мелькало выражение неуместного веселья».

Согласимся, высказывания секретаря посольства местами выглядят не вполне политкорректными, но главное, что его слова рисуют яркую, четкую картину. Мы видим жителей Петербурга глазами турецкого дипломата и самого турецкого дипломата глазами петербуржцев, причем его же единоверцев — проживавших в столице мусульман, у которых головной убор секретаря посольства вызвал смех.

Но если отсутствие в книге высказываний турок о россиянах можно объяснить недоступностью автору части источников, то крайне затруднительно понять, почему в «Турецком Петербурге» не представлено восприятие Турции россиянами вообще и петербуржцами в частности. Благо источников на эту тему на порядок больше. В книге можно найти описание официальных церемоний с участием турецких дипломатов, но все это по большому счету не дает никакой информации о том, какие представления о Турции господствовали в российском обществе того времени.

Из всех высказываний одного из самых блестящих российских дипломатов и государственных деятелей Никиты Панина о турках в «Турецком Петербурге» приводятся лишь следующие его слова, зафиксированные в дневнике воспитателя цесаревича Павла Петровича С. А. Порошина: «Его Превосходительство Никита Иванович сказывать изволил в невразумительных Его Высочеству словах, что как в бытность его в Швеции некогда за столом зашла речь, как Турки мужественны в полях цитерских (то есть в любви. — Д. Ш.), то одна бывшая тут графиня, не покрасневши ни мало молвила: “на Турков слава только, а я знаю и Русских, против которых негде в этом Туркам тягаться”...» (с. 53). Еще один миф о турках, бережно обсасываемый автором, — на этот раз с привкусом клубнички!

За ориенталистскими фетишами, в изобилии разбросанными на страницах книги, практически не видно живых людей, их судеб. Немногочисленные отступления (биографии людей, имеющих, по мнению автора, отношение к теме турецкого Петербурга) скорее подтверждают правило. Выбор некоторых имен вызывает вопросы. Так, к примеру, автор упоминает Садри Максуди, мусульманского политического деятеля, депутата 2-й и 3-й Государственных дум. «Его биография после революции связана с Турцией и Стамбулом теснейше» (с. 205), — пишет Шерих. Действительно, Максуди сделал неплохую карьеру в кемалистской Турции, профессорствовал в Стамбульском университете, едва не угодил в президенты страны. Но какое, пардон, отношение Максуди имеет к турецкому Петербургу? Да, будучи депутатом Думы, он неоднократно бывал в столице империи. Но почему в таком случае в книге Шериха ничего не сказано о Габдеррашите Ибрагимове, мусульманском общественном и политическом деятеле, который жил в Петербурге и, по мнению историков, являлся агентом турецкой разведки?.. Биография этого человека мира, как нам представляется, не менее, а может быть, даже более интересна, чем

биография Максуди, и, самое главное, имеет несомненно больше отношения к теме турецкого Петербурга и отношению двух стран в начале XX века.

Тема русско-турецких отношений накануне Первой мировой войны представляет особый интерес. При этом важно, что здесь имеется большой объем литературы на русском языке. Чиновники МВД больше огня боялись панисламизма, источником которого считалась Турция. Дело в том, что до падения Османской империи турецкий султан формально являлся халифом для всех мусульман-суннитов. Поэтому российские власти боялись распространения влияния идей панисламизма на мусульманское население России в целом и Петербурга в частности. Но весь имеющийся в наличии массив информации, десятки, сотни бумаг, циркулировавшие по ведомствам, многочисленные публикации как в консервативных, так и в либеральных изданиях, отражающие отношение к Турции российского общества накануне войны, остались вне поля зрения автора. Он лишь обиняками упоминает о торжественном обеде, данном консервативной газетой «Новое время» в честь бывшего великого визиря Хилми-паши, посетившего Петербург в 1910 году (с. 191).

А между тем надвигалась война, вызвавшая огромное число антитурецких публикаций, в том числе и в столичной прессе. Выходили даже целые романы, посвященные Османской империи. Почему бы не упомянуть здесь сочинения одиозного провокатора Хаджетлаше, писавшего обличительные статьи о панисламизме и литературные произведения «из быта» Османской империи?.. Но автор словно не замечает всего этого и продолжает толковать читателю о турецких шаялах и табаке. Что это: попытка обойти острые углы?.. В чем же тогда ценность предлагаемой книги, если в ней отсутствует даже минимум необходимой информации? Не иначе как желанием видеть все в розовом цвете можно объяснить отсутствие даже упоминания о турецком кладбище в Петербурге.

Говоря о турецких военнопленных и других турках, по разным причинам оказавшихся в Петербурге, Шерих почему-то даже не задумывается о том, где они могли быть погребены. Автор упоминает о судьбе отдельных турок, которых крестили, но при этом ни слова не говорит о судьбе тех, кто не отказался от своей веры и продолжал при этом находиться в Северной столице. Некоторые из турецких военнопленных не дождались освобождения и обрели покой в Петербурге.

По мусульманскому обычаю тело покойника должно быть предано земле в день смерти до захода солнца. Известно, что место, где хоронили турецких военнопленных, располагалось в XVIII веке примерно там же, где сейчас находится Ново-Волковское мусульманское кладбище. Об этом известно из ходатайства, с которым мусульмане столицы обратились на имя императора Павла I. Они просили разрешить им устроить мечеть и ходатайствовали о предоставлении участка под мусульманское кладбище — там, где издавна хоронили пленных турок. До начала XIX века в Петербурге был известен топоним Турецкое кладбище.

Казалось бы, вот он, объект турецкого Петербурга, но читателю не стоит утруждать себя поиском хотя бы мимолетного упоминания о нем на страницах книги Шериха. Автору интересны другие сюжеты...

В подзаголовке книги «Турецкий Петербург» указано: «Из истории российско-турецких отношений». На деле же Д. Шерих оказывает российско-турецким отношениям медвежью услугу. Когда в основе межгосударственных отношений — незнание, это порождает только дополнительные проблемы и недопонимание. Возможно, многих войн с турками России удалось бы избежать, если бы мы лучше знали Турцию и турок. «Турецкий Петербург» только усиливает это непонимание.

Остается уповать лишь на то, что заявленная в названии книги Шериха и не раскрытая им тема еще найдет своего исследователя. И когда с истории турецкого Пе-

тербурга спадет шаль, накинутая незадачливым ангажированным автором, и развеется напущенный им табачный дым, мы, возможно, сможем разглядеть нечто большее, чем набор мифов и сказок двухсотлетней свежести. А пока такого исследователя не появилось, «Турецкий Петербург» Дмитрия Шериха может служить блестящим примером того, как не надо писать подобного рода книги. Пожалуй, в этом единственная польза «Турецкого Петербурга» для читателей и писателей.

Ренат Беккин

О ПОЛЬЗЕ НЕНАВИСТИ

Михаил Юдсон. Лестница на шкаф. Сказка для эмигрантов в трех частях. — М.: Зебра Е, 2013. — 560 с.

Разумеется, эта книга раздражает — и не только поначалу, но и постфактум. Раздражает слишком очевидными общими местами (грибы — клубни — корни, вечная мерзлота, сталактиты помоев — ЗДЕСЬ ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ, ЭТО МЕСТО ВООБЩЕ НЕ ДЛЯ ЖИЗНИ!!!), остротами на грани фола, откровенным глумлением, — но оправдывает ее в моих глазах многое: во-первых, это не злорадное подхихикивание эмигранта, следящего издали, «как они там корчатся», а вопль боли и унижения. Кипятком хлещет. А во-вторых, еврея своего Юдсон вполне сознательно сделал трусливым конформистом, омерзительным типом, вечно трясущимся, на все согласным и ничего другого, в общем, не заслуживающим, как ни ужасно это звучит. Не токмо Отчизну поливает, но и себе внутренности раздирает.

Почаще надо вспоминать слова Владимира Печерина — вряд ли прототипа Печорина, как думают иные, но человека неглупого. «Как сладостно Отчизну ненавидеть!» — проговорка показательная: именно сладостно. Не доблестно, не прекрасно, не выгодно, не достойно, но вот именно очень приятно. Мы все думаем, будто только любовь к Родине способна вдохновить поэта, — да ничего подобного, ненависть подчас гораздо сильнее! Просто в ненависти к Родине не принято признаваться; еврею это еще как-то может сойти с рук, однако сколько русских горячо подписались бы под обличениями Юдсона, сколько коренных уроженцев расхохотались бы над его контаминациями и сопоставлениями! Ненависть — вещь великолепная, ею вдохновлялись не последние сочинения, и книга Юдсона тем и интересна, что на фоне ровно теплого потока современной прозы она подлинно горяча. Вы можете ненавидеть автора, оголтело спорить с ним — но не можете одного: презрительно отмахнуться, упрекнув его в банальности и бездарности.

Парадокс Юдсона в том, что страну (не прикрывайтесь термином «государство», речь идет именно о стране) он действительно не любит. Не могу согласиться с критиком, полагающим, будто речь идет о любви-ненависти: Юдсону адвокаты не нужны, он свой выбор сделал. Он культуру любит, язык, традицию — оттого у него в пределах одной фразы и встречается набор цитат от Стругацких до «Слова о полку», и это не обычное цитирование общеинтеллигентского фольклора ради красного словца, а живая переплавка, тигель, алхимия слова как она есть. Кроме того, беспощадное авторское зрение (плюс, что говорить, хороший вкус) наверняка не сулит счастливому репатрианту особых радостей на обретенной исторической Родине. Как бы это ему написать третью часть «Лестницы на шкаф», в которой его Илья, теперь уже Элиягу, так же трезво, страшно и талантливо увидит Израиль? Смог же Шамир... Или — случилось-таки обретение, оно же затмение? Началась хорошая жизнь и кончилась хорошая литература? Ну, тогда надо трижды подумывать, прежде чем следовать эпиграфу юдсоновской книги: «Уезжайте отсюда. Ей-Богу, уже пора». Гоголь, «Ревизор».